

Сун Чжиши не просто вернулся целым и невредимым, но и ухитрился завоевать расположение капитана Чжу. Среди новичков не нашлось ни единого завистника. Напротив, все решили, что парень принял на себя удар, защищая их от нападок Ян Хуэйцинь, и беззвучно встали на его сторону.

А что же Ян Хуэйцинь?

Попыталась вытереть об кого-то ноги, да сама же и поплатилась — так ей и надо.

Даже старожилы труппы, которых она когда-то шпыняла, вздохнули с облегчением. Кое-кто из любителей злорадствовать втихаря оглядывался на неё. Ян Хуэйцинь стояла в самом дальнем углу репетиционного зала, бледная как полотно. Рядом жались лишь пара верных прихвостней, остальные же поспешили отодвинуться подальше, боясь навлечь на себя гнев руководства.

Примечательно, что Чжу Фанцзе пальцем её не тронула. Но именно это молчаливое бездействие пугало Ян Хуэйцинь сильнее всего. В любой момент над её головой мог опуститься невидимый топор.

Вечером в столовой стоял невообразимый гул. Ансамбль песни и пляски был небольшим, шила в мешке здесь утаить не получалось, а потому новость о том, как Ян Хуэйцинь устроила сцену и выставила новичка за дверь, а потом сама же получила нагоняй от капитана, разлетелась мгновенно.

— Да вы просто не представляете! — весело тараторила Чу Сюйин, заставляя всю компанию покатываться со смеху. — Эти старожилы так и ждали случая, чтобы устроить нам «дедовщину» и показать, кто тут хозяин. Твой поступок, Чжиши, можно смело назвать первым залпом в нашей войне против угнетателей!

Как оказалось, Чу Сюйин и её подруги приехали из отдалённых уголков уезда Шанъян. В отличие от Чжиши, который тянул до последнего и явился лишь на третий день, они примчались на второй. Девчонки надеялись поскорее влиться в коллектив и набраться опыта у опытных артистов. Куда там! «Старички» встретили их с заносчивым высокомерием, решив припахать новеньких по полной программе: заставляли стирать им бельё, чистить туфли, таскать воду и убирать комнаты.

Новички пришли в ансамбль работать и учиться искусству, а не наниматься в прислуги, но перечить никто не решался — все лишь молча копили злость. Шахтёрскому ансамблю песни и пляски Шэньгань не исполнилось и года, однако костяк его составляли бывшие участники городской агитбригады. Они были опытнее, мастеровитее, и веса в труппе имели куда больше. Новоприбывшим приходилось безропотно сносить обиды.

Все гадали, сколько ещё продлится этот кошмар, но после сегодняшней взбучки заносчивым примадоннам придётся прикусить языки и поприжать хвосты.

Пэн Сутао, сияя от восторга, увлечённо расписывал подробности тем, кто пропустил зрелище:

— Видели бы вы лицо Ян Хуэйцинь! Её будто ушатом холодной воды окатили!

— Ещё бы не знать, — хмыкнула Чу Сюйин, приподняв бровь. — Видели бы вы физиономию нашего старосты, когда до него дошли слухи... Это просто умора!

Вокальная труппа была большой, поэтому её разделили на группы под началом нескольких старост. Одним из таких надзирателей был племянник капитана Цуя. Пользуясь родством с высоким покровителем, он вечно задирает нос и помыкал людьми. В своей прошлой жизни Чжиши терпеть его не мог, и Чу Сюйин сейчас вела речь именно об этом индюке.

— Товарищ Сун, а ведь капитан Чжу к тебе явно благоволит! — раздалось из толпы. — Поставить на место саму Ян Хуэйцинь ради новичка... Как тебе это удалось?

Десятки любопытных глаз уставились на Чжиши.

Выкладывать всю подноготную парень не собирался. Он лишь скромно пожал плечами, заметив, что Ян Хуэйцинь давно перегибала палку со своими издевательствами, и этот случай стал просто последней каплей. Слушатели охотно закивали. Действительно, накануне важного выступления в честь Дня создания НОАК у руководителя Чжу не было причин устраивать показательную порку ведущей артистке ради безвестного дебютанта, если бы чаша её терпения не переполнилась.

На самом деле Чжиши просто чертовски повезло. Чжу Фанцзе заглянула в зал, когда он изнурял себя тренировкой всего первый час. Если бы она не пришла, парню пришлось бы разыгрывать настоящую драму и пускать в ход план «жертвенного мученика», чтобы вызвать жалость.

С другой стороны, Ян Хуэйцинь слишком долго мнила себя некоронованной королевой труппы и потеряла всякую бдительность. Она действовала настолько топорно и грубо, что сама подставилась под удар. Начни она выживать его тихими пакостями, Чжиши пришлось бы несладко.

Поодаль, в самом углу столовой, в одиночестве сидела Чжу Луша. Сиротливо прижимая к себе поднос, она с неприкрытой завистью наблюдала за Чжиши. Вокруг него тесным кольцом сгрудились новички из вокальной и танцевальной трупп. Они наперебой утешали его, подкладывали лучшие кусочки и подбадривали. Всего за пару дней этот парень ухитрился стать негласным лидером среди вновь прибывших.

После сегодняшней сцены Шаша оказалась меж двух огней: старая гвардия Ян Хуэйцинь её окончательно отвергла, а примкнуть к новым ребятам мешала гордость. К тому же новенькая, Хэ Цзяоцзяо, кажется, души не чаяла в Чжиши — за один только день помянула его имя раз пять, не меньше. Все её подружки теперь крутились вокруг него, наперебой пытаясь угодить.

Шаша уныло ткнула палочками в безвкусный паровой маньтоу. Аппетит пропал начисто; покажись сейчас на подносе хоть изысканные деликатесы, они показались бы ей пресными, как трава. Изнеженная домашняя девочка, привыкшая с самого детства быть в центре внимания, впервые в жизни познала горький вкус одиночества и отверженности.

Разговоры о том, что Ян Хуэйцин держит на себе всю хореографию, оказались чистой правдой. Вскоре утвердили официальную программу праздничного концерта к Дню армии. Темой вечера провозгласили нерушимое единство армии и народа. В представлении должны были участвовать не только артисты ансамбля, но и сами бойцы-освободители, а также самодеятельные коллективы из окрестных коммун уезда Фуци. Всего набралось около десятка номеров.

Танцевальная труппа ансамбля готовила классику — избранные сцены из балета «Красный женский отряд». Новички, лишённые должной хореографической подготовки, и близко не могли сравниться с ведущими балеринами, а потому их оставили за бортом. Всю молодёжь распределили на вспомогательные работы: гладить костюмы, носить реквизит да мотать на ус опыт старших.

Театральное отделение на этот раз осталось без номеров, а хор задекларировал масштабное хоровое выступление.

Пробегаая глазами список участников дальше, Чжиши наткнулся на знакомое название: «Бригада Хунсин коммуны Гэтай». У него так и ёкнуло сердце. Это же те самые места, где жила его вторая сестра, Чжиин! Чуть ниже в списке исполнителей замелькали фамилии жителей деревни семьи Лин. Конечно, Чжиин вряд ли выберется на концерт, но если удастся пересечься с её односельчанами, можно будет расспросить их о том, как ей живётся.

Последующие дни в ансамбле потекли тихо и размеренно. Благодаря покровительству капитана Чжу, Чжиши днём репетировал в общем зале, а по вечерам оттачивал движения в её кабинете. Шаша, как и ожидалось, наотрез отказалась вставать с ним в пару. Чжиши лишь мысленно пожал руками — скатертью дорога, он и сам не горел желанием с ней возиться.

Годы застоя давали о себе знать: наверстать упущенное за пару дней было невозможно. К счастью, парень числился в запасе, и груз ответственности за выступление над ним не тяготел. В свободное от службы время он усердно истязал себя тренировками. Если в первую неделю тело ныло так, что по утрам невозможно было оторвать голову от подушки, то теперь мышцы постепенно крепили. Он сам поражался собственной выносливостью.

Ещё больше его удивляло другое. В прошлой жизни он полагал, что в захолустном Хэло днём с огнём не сыщешь приличного хореографа. Кто бы мог подумать, что настоящий мастер всё это время находился рядом с ним!

Как бы ни была занята Чжу Фанцзе, она ежедневно выкраивала часок-другой для индивидуальных занятий. Она напоминала того самого легендарного монастырского уборщика из притч — обладая феноменальным талантом, женщина сознательно предпочла укрыться от

мира в провинциальной глуши и влачить скромное существование. Чжиши не лез к ней в душу с расспросами, но до глубины души сожалел, что в прошлой жизни по глупости прошёл мимо такого наставника.

Чжиши буквально считал дни до долгожданного отпуска. Им полагалось целых пять дней отдыха. Дорога к сестре и обратно займёт полдня, у неё он погостит дня три, а оставшиеся полтора дня можно провести на руднике. С их последней встречи с Гу Хуаем утекло уже больше недели. Интересно, чем сейчас занят этот суровый батальонный командир?

Чжиши поймал себя на этой мысли и тут же мысленно скорректировал планы.

«Пожалуй, у сестры побуду только два дня. У зятя семья большая, дом наверняка забит под завязку, нечего их стеснять. Лучше переберусь на шахту».

Он с чистой совестью уцепился за этот благовидный предлог.

За день до концерта

Тем временем в доме Сун Чжимина только что утихло настоящее сражение за ужином.

Семья Сун была огромной. С тех пор как отменили систему общих столовых в коммунах, их благосостояние покатило под откос. После обязательной сдачи зерна государству на прокорм ораве ртов оставались жалкие крохи. Порой приходилось глушить голод пустой водой, а каждый приём пищи превращался в ожесточённую битву за кусок хлеба.

У Суна-старшего от вечных дум о том, как прокормить это голодное стадо, все губы покрылись болезненной лихорадкой.

Глубокой ночью, когда дом погрузился в самый крепкий сон, Чэнь Сюфан, изнывая от голодной рези в желудке, тихонько выскользнула во двор. Спустя час она бесшумно прокралась обратно, бережно прижимая к груди тяжёлый глиняный горшок.

Переступив порог, женщина растолкала мужа и младшую дочь, после чего велела девчонке сбегать в соседнюю комнату за сыновьями. Наказала строго-настрого: идти на цыпочках, не шуметь.

Десятилетняя дочурка, худенькая и заморенная, выглядевшая от силы на шесть лет, уставилась на горшок, судорожно глотая слюну.

— Мама, а чем это так вкусно пахнет?

— Кое-чем очень хорошим, — заговорщицки подмигнула Чэнь Сюфан. — Живее, зови братьев!

Когда встревоженные братья во главе с Чжиминем собрались у стола, глава семейства осторожно приоткрыл крышку. По комнате тут же разлился одуряющий, наваристый аромат. В тусклом свете блеснул золотистый жир. Это был куриный бульон!

Чжимин так и просиял, не веря собственным глазам:

— Мам, откуда птица-то?

— Твоя мать её в заброшенном колодце втихаря вырастила, — самодовольно ухмыльнулась Чэнь Сюфан.

Парень тут же протянул руку, намереваясь ухватить жирный окорочок, но мать звонко шлёпнула его по пальцам:

— Куда лезешь перед отцом!

Все затаили дыхание, уставившись на главу семейства.

Тот лишь угрюмо вздохнул. Желудок у него, конечно, сводило, но дикого вожделения к еде он не испытывал. Из всех братьев он в своё время вытянул счастливый билет — вырос в роскошном особняке семьи Сун, не зная лишений. В те годы он не то что курицу — трепангов да акулы плавники ложками ел, а теперь вот докатился до полуголодного существования. Глядя на голодный блеск в глазах детей, мужчина лишь устало махнул рукой и повалился обратно на кан:

— Ешьте сами. Я не голоден.

Чэнь Сюфан тихонько чертыхнулась, но наброситься на еду детям всё равно не позволила. Она ловко выудила из горшка обе куриные ножки, отлила часть густого бульона и бережно упаковала добычу в два алюминиевых контейнера. Затем достала термос, плеснула в горшок тёплой воды и хорошенько размешала. Бульона снова стало по самые края, хоть он заметно побледнел и потерял былую наваристость.

Разделив оставшиеся крылышки между младшими детьми, женщина наконец скомандовала:

— Ну всё, налетайте.

Чжимин ошарашенно наблюдал за этими манипуляциями.

— Мам, ты чего творишь? — недовольно забурчал он. — Всего-то одна курица... Что, прикажешь её на три года растянуть?

Он прекрасно знал, что у кузенов из других ветвей семейства нюх как у ищеек. Если не убрать следы пиршества до рассвета, разразится грандиозный скандал, и Старейшина Сун устроит им весёлую жизнь за то, что жрут втихаря.

— Поговори мне ещё! — огрызнулась Чэнь Сюфан. — Твоя тётка передала, что завтра Цзяоцзяо приезжает с концертом в воинскую часть Фуци. С первыми лучами солнца отнесёшь ей этот гостинец. А второй окорочок... Ты же сам хвастался, что встретил молодого господина Суна? Вот ему и отдашь.

Чжимин вспыхнул от злости и едва не швырнул палочки на стол.

— Это ещё с какой стати?!

Он так и не набрался смелости признаться родителям, что успел вдрызг разругаться с Чжиши при первой же встрече.

Мать оказалась куда напористее. Шагнув вперёд, она больно скрутила сыну ухо и зашипела сквозь зубы:

— Хватит тут кочевряжиться! Сколько тебе лет, а у тебя до сих пор нет нормальной работы! Запомни: даже разорившийся богач влиятельнее любого бедняка. Семья Сун на ладан дышит, а Чжиши вон как устроился — в самом ансамбле теперь числится! Наладишь с ним отношения, глядишь, и тебя туда пристроит по знакомству. Всё равно от твоей работы в поле толку никакого, силёнок не хватает.

Чжимин уже открыл было рот, чтобы огрызнуться, но в его голове внезапно созрел коварный замысел. Взгляд парня намертво прикипел к тусклому металлу алюминиевого контейнера, а на губах заиграла зловещая, торжествующая улыбка.

<http://bllate.org/book/19670/1988357>